

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: **Ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)**

НЕДЕЛЯ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Ро имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мне пришлось недавно прочесть следующие слова: «Дети чисты сердцем и праведны, и поэтому они ищут правды; взрослые осквернены, и они ищут милости».

В сегодняшнем Евангелии мы находим почву и для того, и для другого отношения к жизни. Но обращаем мы особенно внимание на то, как отец принял своего сына, простил его, сделал его вновь членом своего дома, своей семьи в ликующей радости. И мало обращаем внимание на то, как этот младший сын, подобно нам, изменил своему призванию сына, ушел из отчего дома, растратил всё, что ему было дано от отца, и только тогда вернулся в отчий дом, когда его измучил голод, оставленность, одиночество.

Вспомним рассказ, который мы только что слышали, но не мягкими, не ласковыми, жалостливыми словами Спасителя, а с той резкостью, грубостью, с которыми когда-то происходило то, о чем говорил Христос. Юноша вырос; из ребенка он стал молодым человеком; простая, чистая, светлая, трудолюбивая, строгая жизнь отчего дома ему стала тягостью. И он обратился к отцу с самым, может быть, жестоким словом, которое можно сказать человеку: Отец! Дай мне сейчас то, что мне достанется, когда ты будешь мертв...

Иначе сказать: Отец — твоя любовь, твой кров, наша общая жизнь мне нипочем; ты мне не нужен; мне нужно только то, чем я могу воспользоваться: плоды твоей жизни, а не жизнь твоя; плоды твоей любви, а не твоя любовь; твоя готовность всё отдать, нам, твоим сыновьям, но не ты, отдающий всё... Отдай мне теперь то, чем я воспользуюсь, когда ты умрешь, когда тебя больше не будет на моем пути...

И отец ни словом не упрекнул своего сына, ни слова ему не напом-

нил о ласке, которой было окружено его детство, о любви, о тепле отчего дома. Он склонил голову и принял как бы преждевременную смерть; он принял смерть из уст своего сына: пусть буду я для него трупом, мертвым, раз он хочет только того, чем он может воспользоваться из моей жизни...

И сын, сбросив одежду отчего дома, грубую, простую, ношенную, нарядился в городскую одежду и ушел.

Разве мы не поступаем так все, в той или другой мере? Но не будем прятаться за слова «в той или другой мере», думая: ну да, может быть, кто-то и поступает так же бессердечно, жестоко, но я только в какой-то мере подобен блудному сыну, похож на него... Нет, мы все поступаем до страшности подобно ему.

Господь нам дает бытие. Он нам дает жизнь, Он дает нам всё, чем эта жизнь полна: живое тело, живой ум, живое сердце, свободу определять свою жизнь, даёт любовь, дружбу, родство, красоту окружающего мира, закон правды в наших сердцах, — сколько еще другого Он нам дает! И

всё это нам дано для того, чтобы этот мир снова стал тем раем любви, единства, гармонии, красоты, каким он был замышлен Богом и каким он был, когда Господь всякую тварь вызывал державным словом к бытию.

А что мы из этого мира сделали? Что мы сделали из своей жизни, из жизни каждого человека вокруг нас? Беспечностью, бессердечием, себялюбием, жестокостью мы превратили и превращаем этот мир в ужас. И не только в широком смысле слова, но в самом простом: рушатся дружбы, крушатся семьи, человек в нужде не находит отклика, ум наш не устремлен к высокому, сердце не открыто только ко всему прекрасному, воля наша не направлена к тому, чтобы этот мир стал Божиим миром. Мы, подобно блудному сыну, всё берем у Отца, у Бога, и отвернувшись от Него, повернувшись к Нему спиной, идем творить свою волю и строить уродливый мир и уродливое общество, и в Церкви, и вне ее.

Потому что и среди нас качество безразличия, себялюбия, а не любви; не та крестная любовь, о которой говорит Христос, о которой Павел сказал: Принимайте друг друга, как принял вас Христос...

Неужели нам надо ждать того момента, когда истощатся все эти дары, когда ничего не останется у нас, кроме нищества, когда старость, болезнь, обездоленность, хищничество других у нас отнимут всё, и останется только сознание: как мы были богаты, как мы были счастливы под кровом Божиим! — и теперь, когда нам нечего другим давать и с нас ближний ничего не может обманом или насилием сорвать, мы оставлены всеми...

Неужели нам ждать момента, когда вдруг мы увидим себя на краю пропасти, когда пропадет в нас и сила, и надежда, когда останется только горькое, упрекающее нас воспоминание о той любви, которая нас взрастила, создав нас, и от которой мы отверну-

лись, которую мы отвергли, которой мы стали чужие?..

Вот о чем говорит нам на пути к Великому Посту это Евангелие. И не станем утешаться, что ждет нас Отец с надеждой, с любовью: Он ждет тех, которые покаются. Он ждет тех, которые

опомнятся, встанут, и в сокрушении сердца, покаянно, пойдут к Отцу, признавая, что мы, все мы, но каждый из нас за себя — недостойны быть назван сыном нашего Отца небесного, братом нашего Спасителя Христа...

Пока мы не опомнимся, пока мы

не встанем и не пойдём к Нему — не станем тешиться надеждой, иллюзией о том, что прощение дается даром. Да, даром, как подарок любви, но в ответ на искренний крик души: каюсь, Господи, прости, прими! Аминь.

Митрополит Сурожский Антоний

К 8 марта. О рыцарстве.

Человек предполагает, а Бог располагает. Люди творят нечто по замыслу прекрасное, но потом в страхе отшатываются от того монстра, который вышел из рук их. Или, наоборот — хотят развалить все до основания, но в результате лишь расчищают стройплощадку для проекта будущего.

Одним словом, человек никогда не достигает того, чего хочет. Тем более что он редко знает, чего, собственно, хочет.

Так возникают праздники, имеющие одну цель при возникновении и по прошествии времени удаляющиеся от этой первоначальной цели в сторону противоположную. 8 Марта — одно из таких событий.

Где память о «маршах домохозяйек»? Где борьба за общее избирательное право? Где попытка превратить женщину в товарища и страстное желание сего «товарища», чтобы на него не смотрели с искрой желая, но лишь крепко жали ему руку и хлопали по плечу?

Вся чушь сия, как пена слезла, и осталось желание женщины быть женщиной, при согласии мужика хоть изредка признавать за ней это смиренное и естественное право.

✽ ✽ ✽

Нет, гендерные проблемы кое-где продолжают волновать сердца человеческие с той же силой, с какой в анекдоте смиренного жителя тундры волновал Гондурас. Но у нас, в стране то победившего окончательно (но не полностью), то вдруг развалившегося внезапно и окончательно социализма, женщина хочет быть просто женщиной.

Не хочет ни станка, ни лопаты, ни полета в космос, ни годового бухгалтерского отчета.

Подарков хочет, комплиментов хочет, хочет слышать невинную полуправду о том, как она красива, хочет украсить пещеру подснежниками и дожидаться своего добытчика вечером трезвого и не с пустыми руками.

В этом смысле я — за 8 Марта! Я за то, чтобы люди по временам разглаживали сморщенное заботами лицо и расплывались в добрых улыбках.

Но кроме этого, во всяком жизненном факте есть своя метафизика, есть возможность уловить высший

смысл и вынести серьезный урок. Говоря о Международном женском дне, можно смело плюнуть на социально-политический пафос и заговорить о теплоте человеческих отношений, и о ... рыцарстве.

Да-да, о рыцарстве, которого у нас не было.

✽ ✽ ✽

Рыцарство это воинская доблесть, уравновешенная благородством, это умение уважать врага, это отказ от драки ради драки, но умелое ведения боя там, где есть высшая цель.

Много священных идей и столетиями воспитуемых качеств сходятся в одну точку под именем «рыцарство». Есть там место и для особого отношения к женщине, как к существу слабому, но способному принять великое освящение.

Рыцарь может служить конкретной Даме, а может и не служить, зная только сеньора или короля. Но рыцарь — христианин, и он непременно чтит Пресвятую Деву, видя в Ней главную Мать в мире и первую среди Дев. От почитания Богоматери в рыцаре неизбежно должно присутствовать возвышенное отношение к женскому естеству, тем более что часто рыцарь — монах, и он не смеет смотреть на женщину с вожделием.

Это стройное и возвышенное средневековое умозрение, уводящее мысль вверх, подобно средневековым шпилям, владело умами людей на Западе долгие столетия. И когда умерло собственно рыцарство как военно-религиозное служение, храбрость в соединении с честностью, строгость, смягченная милостью, и учтивость к слабому полу в культуре остались. Вот этому и надо поучиться.

✽ ✽ ✽

Можно с малого начать. Например, нужно научиться сдерживать язык и никогда не выражаться срамно в присутствии женщин. Нужно раз и навсегда прекратить матерную брань, то есть воспитать в себе табу на всякое срамное слово с упоминанием матери.

Нужно понять, что хотя современная женщина и отравлена идеей равенства полов, самого равенства этого в природе нет. И кому, как не женскому сердцу, знать эту горькую истину?

А значит, женщина, снаружи поддельная под мир, внутри все так

же хочет защиты, боится позора и предательства, мечтает о сильном плече. Она готова в 99-ти случаях из ста сказать равенству и прочим демократическим свободам «пропадите вы пропадом», как только ей взамен пообещают простое семейное счастье. Ну так надо дать ей это счастье.

Нужно дать ей и заработанную копейку, и искренний поцелуй, и слово ободрения. Каждой женщине нужно получить все означенное от собственного мужа. И, Боже мой, сколько радости и силы, сколько энергии и самоотдачи, сколько ласки и заботы тогда в ответ получит мужская часть человечества! Право, жаль, что мы в большинстве своем — не рыцари.

✽ ✽ ✽

Кстати, о том, что рыцарства у нас не было, пишет Пушкин. (Это я на случай возможных возражений, чтобы спорили не со мной). В набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» он говорит:

«Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

Эти же мысли поэт развивает в известном письме Чадаеву. Вообще поэт, сказавший еще в «Онегине»: «лета к суровой прозе клонят», обещал стать незаурядным прозаиком и историком. Но, мы не о том сейчас...

«Рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами». Значит потомки должны одушевиться не по велению наступившего исторического момента, а по одной лишь доброй воле. За такой труд и награда иная.

У Запада была своя историческая школа воспитания, а у нас – своя. Но теперь мы, не благодаря, а вопреки историческому моменту, можем сами себя воспитывать, избирая в истории лучшие образцы для подражания. И это есть подлинная школа, и подлинный культурный подвиг.

Ведь нынешний момент исторический состоит в идее уравнительного распада и в скрытой войне против всякого благородства. Действительность формирует человека по шаблону существа сытого и бессмысленно живущего. Самое время противостать

этой липкой серости идеей внутренне-го благородства, идеей служения.

Рыцарство, напомним, есть одновременно и служение, и благородство.

Слабого не обижай.
Над калекой не смейся.
Упавшего подними.
Чужого не бери.

Заработанным поделись.

В грехе счастья не ищи.

Никого, кроме Бога, не бойся.

С женщиной веди себя, «как с не-мощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной

жизни» (1 Пет. 3:7).

При таком нравственном кодексе всякий праздник нам будет на пользу и из всего мирского сможем извлечь нечто духовное. При таком подходе к жизни женщины наши будут нами гордиться и 9-го марта, и 10-го, и 11-го. Да и мы, мужчины, откажемся видеть в женщинах лишь объект похоти либо налогоплательщика в юбке, но усмотрим в них те черты, которыми от века вдохновлялись самые лучшие сыны Адамовы.

Протоиерей Андрей Ткачев

Сказка про девочку Выгоду

Жило-было семейство Выгод: папа, мама, бабушка и дочка - симпатичная голубоглазая девочка с темными, всегда аккуратно заплетенными косичками.

Жили они дружно, больше того, понимали друг друга с полуслова. К примеру, придет папа с работы и говорит: «у меня сегодня был хороший день», и вся семья понимает, что он получил какую-то выгоду. Или мама придет из магазина и скажет: «а что я вам сейчас покажу!», - и всем понятно, что она сделала выгодную покупку.

Однажды младшая Выгода пришла в школу и сразу повстречала Радость, которую иногда называли солнышком, так как волосы у нее были рыжие, а нос усеян милыми конопушками. Увидев подружку, Радость начала лучиться от радости, да так явно, что от нее во все стороны пошли светлые лучики.

- Пойдем после уроков в кино смотреть новый мультфильм, - предложила она.

- А какая мне от этого будет выгода? - спросила Выгода.

- Не знаю, - растерялась Радость, она всегда терялась, когда ей задавали этот вопрос.

- Ну вот, опять я ее потеряла, даже договорить не успели, - рассердилась Выгода и пошла в класс на урок математики.

- Сегодня мы будем изучать сложное сложение, - сказала учительница.

«Такое сложение мне пригодится, это выгодный урок», тут же просчитала Выгода и приготовилась внимательно слушать.

За соседней с ней партой сидели Ум и Глупость, которая всегда подглядывала за Выгодой и все за ней повторяла. Если Выгода внимательно слушала учителя, Глупость делала то же, если нет – также рисовала в тетрадке рожицы или цветочки или играла сама с собой в крестики-нолики. Ум

все время ей говорил, что повторять за Выгодой – глупо, но она ему отвечала, что ей так нравится.

Еще Глупость выделялась среди одноклассниц яркими нарядами. Ее так одевала мама, считавшая, что чем ярче ты одет, тем лучше. Впрочем, так думал и папа Глупости. Он носил галстуки таких расцветок что, глядя на них, хотелось зажмуриться.

Жадность сидела за последней партой одна. Ее можно было бы назвать симпатичной, если бы не постоянно бегающий взгляд маленьких глаз. Однажды Ум попытался его поймать, но безуспешно. С Жадностью никто дружить не хотел, и только Радость к ней хорошо относилась, и то потому, что по-другому не могла.

Глупость была самой красивой девочкой в школе, поэтому с ней дружила Гордость, ходившая перед всеми, задрав нос. Подружки любили ходить в обнимку на переменах, делая вид, что им очень весело и интересно. На самом деле это было совсем не так, даже наоборот. Когда Гордости наскучило дружить с Глупостью, которая постоянно хихикала, вскрикивая «вау» и «прикольно», она предложила дружбу Выгоде, но та, подсчитав что-то на калькуляторе, отказалась.

Всегда заспанная и неопрятная Лень, хоть и сидела рядом с Завистью, но была сама по себе - дружить ей было лень.

Иногда она засыпала прямо на уроке. Если в этот момент Лень вызывали к доске, то ее за шоколадку будила Выгода, которая очень любила сладкое, поэтому была девочкой упитанной, если не сказать толстенькой. Впрочем, Выгода из-за фигуры не переживала. Ее родители считали, что чем больше выгоды, тем лучше.

Зависть в классе не любили, потому что у нее всегда было плохое настроение. Даже Радость старалась обходить ее стороной. Зависть была

девочкой слабенькой и худенькой – она страдала плохим сном и отсутствием аппетита, как и вся ее родня.

Однажды Лень перестала ходить на занятия. Ее маме было лень позвонить в школу, и учителя начали волноваться. Тогда классная руководительница попросила учеников сходить к ней домой и узнать, что случилось?

Жадность пожадничала своим свободным временем и отказалась. Зависть тут же позеленела от зависти и ее отправили к врачу. Гордость гордо отвернулась и стала смотреть в окно на кричащую на дереве ворону, Глупость, как всегда, ждала, что скажет Выгода, а та быстро просчитывала – выгодно ей идти или нет. Ум злился на Глупость, и только Радость с радостью согласилась помочь учительнице. Услышав, как та ее хвалит, Выгода огорчилась, что просчиталась.

Однажды директор школы объявил, что в школе будет проходить благотворительная ярмарка, и каждый ученик должен принести какую-нибудь игрушку или книжку для детей из детского дома.

Радость принесла все свои игрушки и книжки – ей очень хотелось порадовать детей-сирот. Зависть, увидев это, тут же заболела. Ум принес разные головоломки и энциклопедию, чтобы дети стали умнее. Гордость принесла дорогую новую куклу, которую ее родители купили специально для ярмарки, и с гордостью вручила директору.

- Спасибо за такую красивую куклу, - сказал смущенный директор (кукла стоила половину его зарплаты) и подумал: «Что с ней делать? Если ее подарить одной девочке, то остальные обидятся. Лучше бы Гордость принесла много недорогих игрушек, чтобы никому не было обидно».

Выгода долго думала: участвовать ей в ярмарке или нет? Наконец, она посоветовалась с бабушкой, и та

сказала:

- Надо участвовать. Будет выгодно, чтобы тебя считали доброй. Но отдавать что-то нужное тебе самой - не выгодно.

Поэтому Выгода принесла в школу целый мешок старых вещей. В нем была кукла без ноги, медведь без глаза, железная дорога без паровоза и неинтересные книжки, которые иногда дарят чужим детям взрослые, не заглядывая в них перед тем, как купить.

Директор, увидев сколько всего принесла Выгода, сначала обрадовался и поставил ее всем в пример. А когда разобрал мешок, то огорчился. «Бедная девочка, неужели она от всей души принесла эти вещи. А может у Выгоды, вообще, нет души?» - испугался он.

Лень ничего не принесла, потому что искать вещи ей было лень. Зато отличалась Глупость, которая попросила маму купить кучу косметики, чтобы девочки в детском доме всегда ходили накрашенные.

Ее мама с удовольствием выполнила эту просьбу. Больше того, она и дочери купила набор детских теней и помаду, чтобы Глупость привыкала пользоваться ими с детства.

Директор школы, увидев накрашенную девочку с нелепыми подарками в руках, сначала отправил ее вымыть лицо, а потом попросил учительницу объяснить, почему девочкам не надо пользоваться косметикой.

Глупость учительницу выслушала, головой согласно покивала, но про себя решила, что «училка просто ей завидует».

Школьные годы летели быстро. К выпускному классу Ум вымахал ростом под два метра. Учитель физкультуры предложил ему стать волейболистом, но Ум, естественно, отказался. Он собирался поступить в университет на космический факультет, окончить его и жениться на Глупости. Да, да, именно на ней. Глупость по-прежнему была самой красивой девочкой в школе, но этого ей было мало. Она стала блондинкой и теперь списывала на цвет волос любую глупость. Ум хоть и понимал, что она никогда не изменится, но ничего поделать с собой не мог – он любил ее всем сердцем.

Жадность и Зависть наоборот очень подурнели. Особенно у них испортился цвет лица – у Зависти он стал зеленоватым, а у Жадности – сероватым. Они отчаянно завидовали Глупости, так как тоже хотели бы иметь такого умного друга. Но молодые люди, знакомившиеся с ними, раскусив их, бесследно исчезали.

Жадность утешалась тем, что закончит экономический университет, сделает карьеру и станет директором крупного банка. «С деньгами я смогу все, - думала она, - сделаю себе красивое лицо, буду одеваться у самых модных портных, куплю самую дорогую машину! Тогда посмотрим, как Ум будет локти кусать, что женился на Глупости, а не на мне – прекрасной богатой Жадности».

Зависть, узнав о планах Жадности, потеряла аппетит. Ее родители пытались его найти, но безуспешно. Девушка начала худеть и вскоре так исхудала, что на улице на нее обратила внимание директор модельного агентства и ... предложила ей стать манекенщицей. «Стану самой модной манекенщицей, и все мне обзавидуются», - обрадовалась Зависть и согласилась.

Лень, узнав о ее планах, лишь пожала плечами. Ей, лично, завидовать и то было лень.

Гордость презрительно усмехалась, слушая о планах одноклассниц. Ее отец, вскарабкавшись по политической лестнице до предпоследней ступени, получил все прила-

гающиеся к ней блага и собирался отправить дочь на учебу в старый добрый Оксфорд. А где еще, по-вашему, должна учиться дочь Гордость известного политика?

Радость за всех радовалась. Сама она собиралась стать учительницей русского языка и литературы, чтобы учить детей радоваться хорошим книгам и прекрасному языку.

Выгода превратилась в девушку приятную во всех отношениях. Ей пришлось отказаться от шоколада и прочих сладостей, потому что быть толстушкой стало не выгодно. Чтобы завести выгодные знакомства, ей пришлось притворяться доброй и отзывчивой. Невыгодные поступки отзывались болью в ее сердце, но она все терпела ради будущего, которое связывала с выгодным замужеством.

После школы, посоветовавшись со всей семьей, она поступила в медицинский вуз.

- Будешь лечить всю нашу семью, сэкономим на врачах, - сказала бабушка.

- Медикам доверяют, они могут продавать всякие пищевые добавки. Это выгодно, - сказал папа.

Выгода все время отдавала учебе. Устраивать личную жизнь ей было некогда. Но однажды на практике в больнице она познакомилась с известным профессором, вдовцом. Большая разница в возрасте Выгоду не смутила. Она сразу поняла, что быть женой такого человека очень выгодно. Девушка вскружила ему голову и вскоре вышла за него замуж.

Профессор был человеком порядочным, добрым и даже щедрым. Распознав истинную суть своей молодой супруги, он пришел в ужас и попытался ей объяснить, что искать во всем выгоду – плохо и даже опасно, потому что однажды, по предсказанию одного малоизвестного пророка, она погубит мир. Но нашу Выгоду его слова только насмешили.

- Георгий, - сказала она, - ты не умеешь жить.

Иметь детей Выгода посчитала невыгодным, хотя в старости об этом пожалела.

В общем, она испортила жизнь хорошему человеку.

Ум и Глупость родили двойняшек. Мальчик получился глупенький, а девочка умненькая.

Жадность, в конце концов, вышла замуж за жадину. Молодые перед свадьбой составили брачный контракт и прожили всю жизнь в согласии. Они все время на что-то копили. Детей у них тоже не было. Притчу о бесплодной смоковнице им никто не рассказал, а сами они не спросили.

Лень осталась старой девой. По понятным причинам.

Гордость, закончив Оксфорд, пошла по стопам отца и с головой погрязла в политике. Там она встретила одного гордеца и связала с ним свою судьбу. Но их брак был не счастливым. Оказалось, что два гордых человека не могут ужиться.

Зависть умерла молодой. Что-то у нее случилось с печенью. На ее похороны пришли все кроме Лени и Радости, которая не могла радоваться смерти.

Единственное счастливое замужество оказалось у Радости. Мало того, что она стала прекрасной учительницей, так она еще родила пятерых детей, чтобы у них с мужем была настоящая семья из семи «я». Конечно, ей пришлось уйти с работы, но зато ее дети знали и любили родной язык и хорошую литературу. Когда они выросли, то каждый из них тоже родил по пять детей, чтобы иметь настоящую семью. Их дети тоже родили много детей. Так рос и множился род Радости, принося всем радость.

Чего и вам желаем!

Ирина Роголёва

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru